

Николай Герасимов: Объять необъятное

Nikolai Gerasimov (Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, Moscow, Russia): Embrace the Unbounded

DOI: 10.31857/S2949124X23060123, EDN: NSUINY

Российский анархизм XX в. относится к числу наиболее сложных тем в истории научного гуманитарного знания. Деятельность отечественных анархистов изучалась не только в России, но и за рубежом. При этом обстоятельстве, сопутствовавшие исследованиям, не всегда способствовали достоверной репрезентации исторических фактов. Советская историография часто тяготела к воспроизводству идеологических штампов (особенно в трактовке феномена Н.И. Махно) и, как правило, подчёркивала противостояние большевиков и анархистов, акцентируя «заблуждения» русских либертариев. Отечественный философ и историк П.В. Рябов, рассуждая о концептуальной истории анархизма, совершенно верно заметил, что большинство работ, опубликованных в СССР, носили «опистательный и фрагментарный характер», что исследователи «за деревьями не видели леса». Даже в конце 1980-х гг., когда цензура ослабла, в Советском Союзе всё ещё выходили монографии про анархистов – сторонников «мелкобуржуазной идеологии». Например, у С.Н. Канева в книге «Революция и анархизм» читаем: «Анархистские теории революции со свойственным им заигрыванием с крайней революционностью не раз вводили в заблуждение революционных борцов, хотя всегда были разновидностью мелкобуржуазной, мнимой революционности»¹⁸.

Когда Н.А. Бердяев писал, что «анархизм – явление русского духа», он вряд ли мог представить ситуацию, что именно в «стране безграничной свободы духа» изучение творческого наследия русских анархистов будет ограничено строгими идеологическими рамками¹⁹. Но в СССР нашлись такие исследователи. Например, Н.М. Пирумова²⁰ старалась работать в рамках беспристрастного исторического анализа. К сожалению, подобные случаи редки.

В свою очередь европейские и американские историки, за некоторым исключением (Дж. Вудкок, П. Аврич, К. Вард), на мой взгляд, не поняли сложности изучаемого ими явления. Они крайне редко обращались к архивным фондам в России, ещё реже – искали контакты с русскими анархистами-эмигрантами. В этой связи уместно вспомнить письмо Вудкока к анархо-синдикалисту Г.П. Максимову, который помогал английскому историку при работе над книгой о Кропоткине²¹. Впрочем, ситуация с публикациями западноевропейских коллег в ряде случаев и сейчас остаётся на том же уровне. Например, даже такая влиятельная исследовательница, как Р. Кинна, редактор известного журнала «Anarchist studies», интегрирует социальные явления из истории российского анархизма XX в. в общую палитру истории международного леворадикального движения весьма грубо, не учитывая множество фактологических нюансов,

¹⁸ Канев С.Н. Революция и анархизм... С. 31.

¹⁹ Бердяев Н.А. Анархизм – явление русского духа // Анархизм: pro et contra. Социально-политическое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных учёных-исследователей. Антология / Сост. П.И. Талеров. СПб., 2015. С. 264, 267.

²⁰ Пирумова Н.М. Пётр Алексеевич Кропоткин. М., 1972; Пирумова Н.М. Письма и встречи: Переписка П.А. Кропоткина с В.И. Лениным // Родина. 1989. № 1. С. 26–31.

²¹ PISH. G.P. Maksimov Papers. Arch. 00852. Inv. Nr 3. 10–23 p.

связанных со спецификой поведения тех или иных анархистских групп в России²². В эпоху противостояния СССР и Запада ни о какой глобальной интеграции сообщества экспертов, занимающихся радикальными «левыми», не могло быть и речи.

В 1990-х гг. первые отечественные фундаментальные исследования по истории анархистского движения появлялись во многом «с нуля». Вехами в осмыслении темы стали монографии В.Д. Ермакова, заложившие фундамент для последующих масштабных публикаций. Тогда же значительно продвинулось изучение участия анархистов в Гражданской войне 1917–1921 гг.²³ В 2010-х гг. с выходом монографий П.И. Талерова и В.В. Кривенького ситуация улучшилась, однако по ряду причин эти исследования нельзя назвать «прорывными». Книга Талерова страдает излишними обобщениями, а у Кривенького встречается однозначная оценка явлений, которые, на мой взгляд, и по сей день остаются дискуссионными.

Выход книги Д.И. Рублёва, как бы это странно ни прозвучало, оказался предсказуемым. В экспертном сообществе давно царило особое настроение — ожидание, что кто-то из специалистов возьмёт на себя труд обобщить опыт предшествующих исследований и подарит академическому миру масштабную историю деятельности отечественных либертариев в эпоху тоталитарных режимов и мировых войн. Задачи такого исследования вполне очевидны: с опорой на архивные документы «проложить мосты» между отдельными сегментами уже имеющегося знания; проверить большинство гипотез и предположений, высказанных на научных конференциях в 2000-х гг. Нуждались в специальной разработке такие темы, как российская анархистская эмиграция в Европе и Америке 1920–1960 гг., деятельность анархистов в эпоху правления И.В. Сталина, кружки либертариев в Советской России, начиная с периода «застоя» 1970-х гг. до этапа перестройки. Судя по тексту книги, Рублев учёл все эти обстоятельства и «принял удар на себя».

В первой главе рассказывается о ключевых фигурах анархистского движения XIX в., его основных идеях и издательских центрах. Это своеобразное введение в тему подготавливает читателя к восприятию более сложного материала. В 12 главах анализируется история анархистского движения в России с 1890-х до 2010-х гг. Временной размах впечатляет! Автор предлагает следующую периодизацию: 1890–1905 гг.; 1905–1907 гг.; 1907–1914 гг.; июль 1914 — февраль 1917 г.; февраль–октябрь 1917 г.; конец октября 1917 — осень 1918 г.; 1919–1921 гг.; 1922–1953 гг.; 1922–1966 гг. (российское анархистское зарубежье); 1953–1986 гг.; вторая половина 1980-х — 2010-е гг.

Хронологическое структурирование любого масштабного исторического явления вызывает, как правило, бурю дискуссий. Выскажу собственное мнение по этому поводу. Предложенная периодизация оптимальна: автором учтены все нюансы качественного перехода движения из одного состояния в другое в единой темпоральной плоскости. К примеру, 1890–1905 гг. — период, когда российский анархизм складывается в целостное явление. Деятельность Бакунина и Кропоткина в Европе до 1890-х гг. это в большей степени процесс создания международного освободительного движения, а не конкретно российско-

²² *Kinna R.* Kropotkin: Reviewing the Classical Anarchist Tradition. Edinburgh, 2017.

²³ См., например: *Шубин А.В.* Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания 1917–1939 гг. М., 1998.

го. 1890–1905 гг. — время сложного диалога между «нулевой волной» русской эмиграции и анархистами, которые стремились создать революционные очаги в границах Российской империи. 1905–1907 гг. — эпоха Первой российской революции, в рамках которой произошла первая масштабная открытая встреча представителей анархистских групп и народных масс. Рублёв анализирует процесс трансформации анархистского движения, прослеживает изменение тактики, стратегии и способов привлечения сторонников.

Особый интерес представляют два раздела книги. Это главы 9, где среди прочего рассказывается об анархистах в период сталинского террора, и 10 (анархистская эмиграция в Европе и Америке). Читать их следует с пристальным вниманием. Трудности, с которыми сталкивались и эмигранты, и те, кто остался в СССР, невозможно сопоставлять. Это два разных мира с разными правилами «игры». Эмигрантам пришлось адаптироваться к ситуации, когда они с каждым годом (особенно в 1930-х гг.) стремительно теряли связь с единомышленниками в России, которые вели «подпольную» борьбу против большевиков, а военные действия в Европе не давали возможности организовать стабильный центр революционной пропаганды. Анархисты эпохи сталинизма, по сути, оказались изолированы от международного анархистского движения. Они отчаянно пытались мобилизовать все силы для того, чтобы сохранить хотя бы часть революционного потенциала. Как отмечает Рублёв, после завершения Второй мировой войны «деятельность уцелевших анархистов утратила политический характер, свелась к физическому и духовному выживанию» (с. 490). Впрочем, стоит заметить, что, по мысли автора, автономное существование потомков анархистского движения в условиях вынужденной изоляции не исключало определённого взаимовлияния между анархистами-эмигрантами и анархистами в СССР вплоть до конца 1930-х гг. (о сложной коммуникации между этими группами либертариев в книге сказано немало).

«Советский» сюжет 1950–1970-х гг. в истории российского анархистского движения представлен фрагментарно, тем не менее Рублёву всё же удалось показать, что левые диссиденты не просто образовывали просветительские кружки, где обсуждались работы Бакунина и Кропоткина, но также создавали небольшие, хотя целостные радикальные сообщества с хаотичной, однако вполне очевидной для читателя программой действий. Из книги можно узнать о судьбе первой послевоенной анархистской группы, которая сложилась в СССР после Венгерского восстания 1956 г. Автор полагает, что в конце 1957 г. группа либертариев (А.М. Иванов, Ю. Зубков и др.) обсуждала возможность покушения на Н.С. Хрущёва. Предполагалось, что в случае удачного покушения СССР «свернёт» свою агрессивную внешнюю политику, и тогда у мирового освободительного движения появится больше шансов для реализации проекта анархистского общества. Рублёв также проанализировал феномен «новых левых» в контексте советской действительности. На мой взгляд, ему удалось не только провести параллели между анархизмом и некоторыми аспектами контркультуры советской интеллигенции, но также указать, какие конкретные группы были близки к анархо-синдикалистским идеалам (например, «ленинградские левые» в 1970-х гг.).

Справился автор и с такой «опасной» темой, как российские террористические анархистские организации XX в. (глава 3). Писать о «безначальцах» и «чернознамёнцах» трудно. Перед историком стоит сложная задача — рассказ об идеях и тактике этих групп надо снабдить такими критическими ком-

ментариями, чтобы у читателя возникло строго определённое понимание того, что с нравственно-философской точки зрения деятельность подобных организаций аморальна, а с прагматической — недальновидна. Рублёв показал, что пренебрежительное отношение к стратегии организованной борьбы сочеталось у «безначальцев» и «чернознамёнцев» с близорукой тактикой, что сами по себе действия сторонников анархо-террора являлись этически противоречивыми, что эти противоречия никак не артикулировались и, вероятно, даже не рефлексировались никем из участников. В книге также дан обзор деятельности толстовских групп, близких к идеям христианского анархизма. Это важно не только для развенчания распространённого мнения об анархисте как воинствующем атеисте, но и для демонстрации непротивленческих форм анархистского движения.

Книгу хочется хвалить и дальше, однако необходимо сделать несколько критических замечаний. Прежде всего, название монографии не вполне отражает её содержание. Автор анализирует не теорию анархизма, а преимущественно анархистское движение. Большая часть исследования посвящена издательскому делу, истории организаций, биографическим справкам. Теория представлена в основном как совокупность тезисов социально-политических программ, а не как самостоятельное концептуальное явление (за исключением фрагментов, где говорится о П.А. Кропоткине, Я.-В.К. Махайском, А.А. Боровом, И.С. Книжнике-Ветрове и некоторых других). На мой взгляд, более подходящее название для книги — «Российские анархистские движения в XX в.».

К сожалению, в исследовании практически не отражены специфические анархистские теории, о них сказано немного и без историко-философской рефлексии. Речь идёт об оригинальных концепциях, в основе которых лежит не просто этическая теория, но и масштабная онтология — мистический анархизм, интериндивидуализм А.Л. Гордина, концепция Социотехникума В.Л. Гордина, анархизм-биокосмизм А. Святогора и т.д. Автор рассматривает их как периферийные явления, указывая, что их сторонники сильно уступали по своему влиянию магистральному течению анархистской мысли, синтезировавшему идеи Бакунина и Кропоткина и ориентированному на деятельность в рамках рабочего движения.

Глава 10 не вписана в общий контекст первой волны русской эмиграции. Контакты между теоретиками анархизма и русской диаспорой богословов, поэтов, учёных и философов были практически ничтожны, однако, как минимум, стоило обратить внимание на своеобразие анархистского Зарубежья, попытаться объяснить причины отчуждения между анархистами-эмигрантами и эмигрантами-писателями, отсутствие надежд на взаимодействие этих групп, за исключением отдельных сюжетов сотрудничества, вроде переписки М.А. Осоргина с М. Гольдсмит с целью включения писателя в число участников проекта лектория, который разрабатывался анархистами-эмигрантами.

Структура монографии имеет серьёзный недостаток — отсутствие «разбивки» весьма объёмных глав (иногда больше 80 страниц) на отдельные параграфы. Затрудняет работу с книгой и отсутствие именного указателя.

Конечно, «объять необъятное» просто невозможно. Как найти выход в ситуации, когда подробно рассказать о философской стороне теории анархизма хочется, но формат книги не позволяет это сделать? Кажется, что было бы целесообразно в приложении к монографии представить сжатый обзор концепций, появившихся в рамках российского анархизма, сопроводив текст крат-

ким историко-философским комментарием. Этот справочный материал помог бы читателю, интересующемуся идейной борьбой внутри анархистских групп, уточнить тот или иной аспект темы, уяснить суть событий и явлений, связанных с историей анархизма.

Несмотря на вышесказанное, Д.И. Рублёву удалось создать фундаментальное историческое исследование. Выход книги стал, без всякого преувеличения, событием для всего профессионального сообщества. В случае, если выйдет второе, дополненное издание монографии, смею предположить, что мы получим своеобразный научный компас, благодаря которому российский анархизм XX в. будет изучаться гораздо интенсивнее, а качество соответствующих публикаций профессиональных историков станет на порядок выше.